

Бронислав Геремек

Государственное устройство и внешняя политика

(Публичная лекция, прочитанная в Польском институте международных дел 28 ноября 2000 года, опубликованная в „Polski Przegląd Dyplomatyczny”, t. 1, nr 1(1), 2001, s. 27-40; перевод не авторизован)

Я очень рад, что у меня появилась возможность ответить на вопрос, с которым директор Польского института международных дел обратился к тем, кто работал в министерстве иностранных дел. А вопрос не из простых. С одной стороны, внешняя политика является той сферой публичной жизни, которая привлекает, производит впечатление заманчивой, но с другой – она осуществляется не только в кабинетах и конференц-залах. Она теснейшим образом связана с жизнью общества и всеми проблемами, в решении которых общество заинтересовано. Причем с такими проблемами, которые касаются и мира, и страны, и народа. Эрнест Ренан задумывался некогда над тем, что такое народ, и в восьмидесятые годы прошлого века отвечал, что народ – это бесконечный «плебисцит» или же что народ – это совокупность общих воспоминаний. Внешняя политика и является одним из главных элементов, которые делают этот плебисцит фактом. Внешняя политика является также источником, благодаря которому возникает некий запас общих воспоминаний. Что же касается «привлекательности» внешней политики, у меня к этому своя историческая и, одновременно, профессиональная дистанция, какую и должен иметь историк. Один из моих учителей, французский историк Фернан Бродель, в лекции по случаю торжественного открытия учебного года в Коллеж де Франс говорил так: «Я сохранил воспоминание одной ночи недалеко от Бахио, где я был заморожен фейерверком светящихся светлячков. Их блеклые

огоньки сверкали, потухали и вновь горели. Однако они не могли озарить темноту ночи настоящей светом»¹. То же самое, добавлял Бродель, можно сказать о важных событиях: за пределами их сияния неизменно царит темнота. В этой же лекции Бродель заметил, что битва, встреча политиков, знаменательное выступление, фундаментальный по своему значению документ – все это лишь блики истории. Он подчеркивал это затем, чтобы указать на ничтожность этих бликов, а они-то и являются реальностью внешней политики. Между тем, историк исследует все эти знаменательные факты, пытаясь обнаружить то, следом чего они являются. Он стремится вскрыть процессы более глубокие и более продолжительные. Политик же, как бы по своей природе, погружен в эти блики и, бывает, он не в состоянии увидеть за ними большего. Я сознаю, что примирить обе позиции – историка и политика – чрезвычайно трудно, однако для ответа на вопрос, содержащийся в названии лекции, я должен учесть обе позиции.

Занимаясь внешней политикой, я имел возможность участвовать в дебатах по определению главных направлений во внешней политике, ее целей и предпосылок. Я уверен, что с 1989 года отношение к главным направлениям внешней политики, к ее значению и целям оставалось принципиально таким же и для моих выдающихся предшественников, и для моего знаменитого преемника на посту министра иностранных дел. На поставленный несколько провокационно вопрос, имеет ли государственное устройство влияние на внешнюю политику или, иначе, связана ли внешняя политика с политическим строем, я попытаюсь ответить, указывая на историческую обусловленность внешней политики, на весь ее системный контекст, на ее будущие дилеммы, уходя порой от главного вопроса, но памятуя том, что эта проблема имеет для Польши чрезвычайно важное значение, особенно в свете испытаний, которые были нашим уделом.

Перелом 1989 года коренным образом изменил государственный строй Польши и ознаменовался принципиальными переменами в ее внешней политике. За очень короткое время произошли существенные изменения на карте Европы. Шарль де Голль сказал некогда, что изменять можно геополитику, географию изменить нельзя. Если сегодня мы посмотрим на политическую карту Европы и Польши, то увидим, что

¹ Fernand Braudel, *Historia i trwanie*, Warszawa 1971, s. 28.

изменилась также география. Три сопредельных государства исчезли, и одновременно увеличилось количество соседствующих с нами стран. Возникла как бы совсем новая ситуация. Во всех соседних странах произошли существенные перемены. В современной истории не так уж много подобных примеров. Я имею в виду тот факт, что с момента перелома 1989 года политика стала определяться как элемент общественного консенсуса. Это факт, который может удивлять. Практически ни одна область политики не является, а может и не должна являться, предметом полного консенсуса.

Выдающийся польский философ Тадеуш Котарбиньски рассказывал, что в Болгарии он видел колодец с надписью: «Турок, не отравляй этот колодец, может и ты захочешь попить из него воды». Пусть это послужит наглядным примером для обоснования консенсуса, этого чрезвычайно редкого явления в политике, в том числе и во внешней. Общественный консенсус надо ставить выше партийных интересов, конфликтов, а также конъюнктурных соображений по случаю очередных выборов. Одним из элементов польского успеха и был общественный консенсус, который укрепил позицию нашей страны как демократического и суверенного государства.

Согласно Конституции, внешняя политика определяется парламентом, и она в меньшей степени, чем другие сферы общественной жизни, поддается давлению малозначительных фактов и политической конъюнктуры, которые, как производные предвыборной обстановки, изменяются вместе с выборами. Консенсус оказался в Польше возможным также потому, что ее внешняя политика после переломного 1989 года встала перед необычайной задачей. Польша превратилась в независимое, суверенное государство, чья судьба зависела от народа, а его внешняя политика осуществлялась в Варшаве, а не в какой-нибудь другой столице. Именно в Варшаве принимались законы, проводились новые мероприятия, формирующие внешнюю политику страны. Изменения касались не только государственного уровня, но и структур локальных властей, а также неправительственных организаций.

Если внешняя политика может и должна формироваться за пределами кабинетов, то неправительственные организации представляют собой тот элемент, который создает пространство для демократической внешней политики. Дипломатия перестала быть своеобразной специальной службой. В системе партийной номенклатуры дипломатическая служба принадлежала, как правило, к специальным службам. Решения и предписания принимались в институтах и учреждениях, подчиненных

фактически одному органу – Польской Объединенной Рабочей Партии. Главные направления внешней политики определялись соответствующими отделами Центрального Комитета ПОРП. Следовательно, нужны были коренные изменения в этой области, однако часть дипломатического аппарата была оставлена, благодаря чему компетентные и честные работники, которые оказались в качественно новой ситуации, могли сейчас работать на благо своей страны. Это был выбор, но в результате этого выбора дипломатическая служба начала работать на независимое государство. Итак, изменение внешней политики, как важной сферы государственного устройства, явилось одним из механизмов, которые благоприятствовали системной трансформации после 1989 года.

Одновременно новая внешняя политика после 1989 года должна была выработать свои ориентиры, свою аксиологию: обратиться к определенному составу добродетелей, к миру ценностей, которые могли бы стать критерием ее эффективности. В традиции внешней политики они проявляются в разных аспектах.

Во-первых, это диалог между реализмом и идеализмом (о чем писал в своей книге о дипломатии Генри Киссинджер), т.е. между миром эффективных действий и миром ценностей. В мире эффективных действий реалистическим компонентом внешней политики является служение государству. Для Польши это означало необходимость уменьшения угроз и увеличения шансов. Это означало максимализацию шансов и укрепление независимости. Это также означало служение дипломатии и внешней политики делу трансформирующейся экономики. Государственные интересы состоят в том, чтобы экономике и народному хозяйству придавать приоритетное значение.

Во-вторых, в сфере компонентов, которые можно назвать идеалистическими, демократия признается положительным опытом, а тоталитаризм – негативным. Это настолько самоочевидный факт, что производит впечатление банального, однако для того, чтобы это можно было осуществить, нужны были политические решения, значение которых для формирования нашей внешней политики сочеталось бы с учетом внутреннего устройства стран, с которыми Польша может сотрудничать и по отношению к которым это не должно иметь место.

Важнейшим идеалистическим фактором, определившим главные принципы внешней политики Польши, явилось апеллирование к правам человека. Этот элемент современного миропорядка, столь очевидный к концу XX века и столь тесно связанный как с отрицательным, так и положительным

опытом нашего века, продолжает быть причиной разногласий во внешней политике. Можно ли права человека признать законом, который должен соблюдаться международными организациями и международной политикой и который имел бы силу и статус международного права? Сегодня этот вопрос не решен, разногласия существуют, и нет ясности, можно ли, кроме традиционного международного права – от Гроция по Устав ООН, вскрыть такую сферу, которую следовало бы признать сферой международной правовой практики. Можно лишь полагать, что для международных организаций, и особенно для системы ООН, апелляция к правам человека составляет важный элемент их деятельности.

Оставаясь в рамках упомянутого выше диалога реализма с идеализмом, я хочу сказать, что для внешней политики Польши после 1989 года необходимость примирения реализма с идеализмом в их классическом понимании стала очевидной. Государственное устройство после 1989 года осуществилось *via facti*. Получилось так, будто сама действительность создавала новые очертания внешней политики. В первую очередь вспоминается декабрь 1989 года – поправки к Конституции. Я хорошо помню этот зимний декабрьский вечер 1989 года, когда тогдашнему Президенту генералу Войцеху Ярузельскому я предложил список изменений, внесения которых в Конституцию ожидал от сейма и президента Гражданский Парламентский Клуб (ОКР).

Малая Конституция 1992 года хотя и содержала системные изменения в государственном устройстве, то весьма незначительные. Однако уже с 1997 года Польша представляла собой правовое, демократически управляемое государство, внешняя политика которого была элементом унитарного государства. Внешняя политика такого государства может, по-видимому, входить в противоречие как с децентрализацией власти (при наличии органов самоуправления и локальных властей на разных уровнях), так и с принципом вспомогательности государства, который, отметим, является основополагающим в Европейском Союзе. Этот принцип, восходящий к политической идеологии средних веков, раскрывает, согласно тому, как его формулировал Фома Аквинский, очень простую истину: то, что может быть решено и сделано снизу, не должно решаться и делаться сверху. Можно ли отнести этот принцип к внешней политике? Для настоящего времени ответ будет, пожалуй, гипотетичным. Сегодня более важным представляется то, чтобы унитарный характер государства полностью осуществлялся во внешней политике. Это та сфера национальной самобытности и

национального интереса, которая должна полностью реализоваться государством. Это не значит, что в пределах единой внешней политики нет места для деятельности всех органов правления – локальных, самоуправленческих и региональных. Потому я и настаивал на том, чтобы также в законах о самоуправлении, которые обсуждались и принимались правительством и парламентом (и были ими приняты), не упускать из виду принцип единого характера внешней политики, т.е. чтобы она не подверглась, если можно так сказать, локализации и регионализации. Я считаю такое положение вещей необходимым. С такой же силой я старался отстаивать роль гражданского общества в формировании внешней политики посредством неправительственных организаций, обществ, фондов, работников и организаций работодателей, чьи мнения о внешней политике государства должны учитываться.

Ежели новые системные перспективы, возникшие в переломном 1989 году, мы будем считать совсем новым горизонтом, можно задаться вопросом, в какой степени они связаны с польской традицией внешней политики или же с польской политической философией. В идеологии внешней политики Второй Речи Посполитой имеются предпосылки, которые нашли свое продолжение после 1989 года. Я имею в виду, во-первых, весомый с политической точки зрения спор между Юзефом Пилсудским и Романом Дмовским, который имел место в период между двумя мировыми войнами. Наряду с политическими коннотациями, эти разногласия имели первостепенное значение также для внешней политики. Дмовски, опасаясь Германии, тяготел к России. Пилсудски же, опасаясь России, тяготел, по крайней мере так считал Дмовски, к Германии. В сущности, во взглядах маршала Пилсудского на международное положение Польши доминировало убеждение, что Польша является частью Запада. Польская внешняя политика должна быть европейской политикой, ибо наиболее существенная политическая граница для истории Европы и для ее судьбы проходит между Востоком и Западом. Однако линия, отделяющая Восток и Запад, не была, по определению Пилсудского, «стеной», что и понятно, если учесть «окраинный» опыт Пилсудского, знание им восточных окраин и сопредельных восточных государств, так что, вопреки Дмовскому, именно Юзефа Пилсудского можно считать тем, кто наводил мосты. Концепции Пилсудского строились на мечтах и политических принципах. Это были мечты о федерации, рожденные убеждением в том, что коль скоро есть общие интересы в Центральной Европе, то общими должны быть государственные организмы и политические системы, а также

политические цели. Одним из таких мечтаний Пилсудского была независимая Украина. Когда он говорил – «независимая Польша нуждается в независимой Украине», он думал одновременно о том, что кроме польского государственного интереса есть также интерес Европы, интерес того региона, с которым он был в такой интимной связи. Из такой концепции, такого понимания Центральной Европы и Востоко-Запада в европейской истории и политике вытекала прометейская идея. Этот прометеизм в политических концепциях периода между двумя мировыми войнами сводился к очень простому принципу: Польша должна содействовать – из исторических и политических соображений – всем странам, которые хотят оторваться от России и перед которыми могут появиться такие возможности, которыми обладала Польша. В таком идейном наследии внешней политики имелись некоторые ориентиры и директивы для формирования ее после переломного 1989 года, когда произошли изменения в государственном устройстве Польши. Подобные директивы вытекали из дискуссий о будущем Европы и о польской внешней политике, которые велись в кругах польской эмиграции. Надо сознавать, сколь горькими были эти дискуссии, дискуссии между людьми, которые, желая сохранить свободу личности, вынуждены были признать, что не могут жить в собственной стране. Они выбрали политическую эмиграцию, будучи убежденными, что таким способом будут служить родине. Этот выбор привел их затем к иску о возврате того, что было ими утрачено вследствие международных договоров после второй мировой войны.

Совсем другое видение своей роли в эмиграции представляла среда парижской «Культуры» – Ежи Гедройц и Юлиуш Мерошевски. Отстаивая западную концепцию внешней политики, они полагали, что ягеллонская идея в послевоенном мире должна превратиться в идею служения делу свободы других народов этой части Европы. Именно она, как идеологический ориентир, и позволит Польше определить свое политическое будущее в мире лишь при условии, если соседние страны будут независимыми государствами. Нисколько не пренебрегая Западом, «Культура» – в лице своих главных редакторов – подчеркивала значение суверенности сопредельных стран, особенно Украины, Литвы и Белоруссии. Такая концепция внешней политики сочеталась, однако, о чем мы не всегда помним, с открытостью к России. При сильном одновременно убеждении, что Россия изменит свое внутреннее устройство, перестанет быть тюрьмой народов и мачехой для народа собственного. Уметь так думать о России,

будучи в эмиграции и наблюдая одновременно за ситуацией в Польше, могли лишь поистине великие люди.

Оба мышления – и то, которое формировало внешнюю политику, и то, которое могло лишь быть мечтой о внешней политике в течение 20 лет независимой Польши, а также позднее, уже в эмиграции, послужили своеобразным уроком для польской внешней политики после 1989 года. Урок был нужен также для того, чтобы Польша постигала свою судьбу в первую очередь вместе с судьбой Чехословакии и Венгрии. Вишеградская группа и явилась результатом переговоров «непрофессиональных» еще политиков, поначалу трех, а затем четырех стран, а ведь ранее, до 1989 года, мы могли лишь грезить о таком объединении. Тогда появилась даже концепция федерации, сколь анекдотической она сегодня бы ни выглядела.

Збигнев Бжезиньски в одном из своих текстов написал, что «польско-чехо-словацкая федерация была бы превосходным решением». Федерация между Польшей и Чехословакией была, впрочем, предметом диалога эмиграционных правительств обеих стран. Во время беседы с одним из чешских политиков я упомянул эту идею и получил такой ответ: «что касается федерации, то я знаю, о чем я говорю, и не хочу ее, а вы не знаете, о чем говорите, так как Польша не имеет опыта федерации, а мы его уже прошли». Мечта о федеративном союзе, имеющая свое начало в дискуссиях в годы между двумя мировыми войнами, была, несомненно, фантазией. Зато мышление о вишеградском сотрудничестве, в котором участвовали сначала три первых субъекта Вишеградской группы, а затем и четвертый, было твердо основано на общем стремлении оказаться в структурах Запада, как бы помимо определения Милана Кундеры – «похищение Центральной Европы». Стремление подтверждалось конкретным сотрудничеством на пути к европейским сообществам, а также формированием созвучной внешней политики. Немаловажное значение в политических дискуссиях имел общий опыт этих четырех стран. Нас объединил опыт коммунизма, а также, что не менее важно, опыт выхода из коммунизма. Кроме того, все наши страны, как и другие страны Центральной Европы, соединило ощущение непрочности судеб народа, что отмечают, независимо друг от друга, Чеслав Милош в «*Иной Европе*» и Иштван Бибо – венгерский политолог, одна из замечательных личностей центральноевропейской империи дум, который провел годы в тюрьме, состоял членом венгерского правительства в 1956 году и которого обрели на долгие годы молчания. Бибо когда-то писал, что человеку Запада не понять

эту непрочность и постоянную неуверенность. Просыпаясь, мы каждое утро задавались вопросом – независимы ли мы еще? Вот это сознание неуверенности также способствовало возникновению Вишеградской группы, и оно проявляется как в стремлениях, так и на практике – в формировании внешней политики. Иным последствием упомянутых уроков внешней политики, кроме вишеградского сотрудничества, является твердое убеждение в том, что свое будущее Польша должна связать с европейскими и евроатлантическими структурами. Вступление Польши в НАТО давало ощущение не только безопасности пути, на который она ступила, но также уверенность, что мы оказались ближе к тому миру ценностей, о котором идет речь в преамбуле к Вашингтонскому трактату. Вступление же в Евросоюз понимается как осуществление наших стремлений участвовать в сообществе, которое является содружеством безопасности и благосостояния. В обоих этих случаях особенную роль играли два чрезвычайно существенных фактора, способствующие преобразению внешней политики. С одной стороны, это был альянс с Соединенными Штатами Америки, с другой – сотрудничество в рамках Веймарского треугольника.

Что касается альянса с США, то он вызван не только политическими соображениями, но также тем, что 10 миллионов американских граждан чувствует себя поляками. Вот потому Америка близка, совершенно натуральным образом, и Варшаве, и окрестностям Нового Тарга. Сотрудничество с Веймарским треугольником существенно потому, что, во-первых, в орбите польских международных связей оказались две страны, от которых зависит будущее Европейского Союза, – Франция и Германия и, во-вторых, Третья Речь Посполитая оказалась в центре европейских стремлений к независимости, с главными ресурсами европейской интеграции. Следовательно, из уроков истории мы извлекли для себя опыт.

Третий урок новейшей истории Польши был связан с 1989 годом, с именами Тадеуша Мазовецкого, первого некоммунистического премьера, и первыми решениями возглавляемого им правительства, а также Кшиштофа Скубишевского, под руководством которого внешняя политика формировалась совершенно творческим и новаторским образом. Первой отправной точкой этой политики было сохранение хороших партнерских отношений с Советским Союзом, и позднее с Россией, а также с республиками, входящими в состав тогдашнего СССР. Из перспективы 2000 года такое направление нашей внешней политики кажется необычайно простой вещью. Если, однако, мы посмотрим на это из перспективы тех

лет – 1989 и 1990 годов, когда мир был разделен, когда существовала империя и советские войска стояли на западной и восточной границах Польши, то решение о необходимости поддерживать хорошие отношения с Советским Союзом и с советскими республиками следует оценить очень высоко. Можно его также понимать как реализацию прометейской идеи, на которую я здесь неоднократно ссылался и которая рождалась в польских политических прениях.

Характеризуя последствия изменений, которые произошли в государственном устройстве после 1989 года, мы должны отдавать себе отчет в том, что Польша входила в новый международный порядок, причем следует это понимать не только в категориях диагноза, но прежде всего в аспекте наших стремлений. Знаменательно и то, что этот новый миропорядок мог, в разные драматические моменты Европы, производить впечатление «мирового беспорядка». Нельзя забывать о том, что новый миропорядок строился на печальном опыте XX века, когда около 150 миллионов людей погибло по воле разных национальных правительств, в том числе и против собственных граждан, в то время как в результате непосредственных военных действий и гражданских войн погибло 39 миллионов людей, т. е. значительно меньше. В контексте этих статистических данных нельзя не задаться следующим вопросом: если цель внешней политики заключается прежде всего в совершении основного и фундаментального выбора – война или мир, то каково значение демократии и тоталитаризма для вопроса войны и мира? Можно сказать, что ответственность за большинство преступлений XX века – на стороне власти. Было подсчитано, что свыше 80% составляют жертвы тоталитарного террора, почти всю остальную часть можно списать на правление, называемое авторитарным. Лишь очень небольшую частицу человеческих жертв можно отнести к демократическому правлению. Если верить статистике, то мы получаем еще один довод того, как сильно взаимосвязаны демократия и международная политика.

Самая важная международная конференция в истории нашей страны – это Варшавский форум демократии. Его пафос – в признании демократии нравственным залогом международной политики. Этнические гонения, которые имели место на пороге XXI века, наполнили понятие «права человека» новым, горестным, опытом и придали ему особенную актуальность. Я думаю, что отношение Польши к тем формам политического насилия, которые показали балканские события, было подтверждением новой внешней политики нашей страны после

системных перемен. Но это касается образа мира в целом. Некогда было сказано, что международную арену в течение многих лет после второй мировой войны следовало бы рассматривать в трех плоскостях.

Во-первых, в плане двухполюсной ориентации и двухполюсного равновесия, основанных на «отпугивании», на существовании двух политических блоков. Это был элемент напряженной натянутости международной обстановки.

Во-вторых, в национальной политике государств, несмотря на два политических полюса в мире, была такая полоса, в которой допускалась возможность кое-каких действий и кое-какой, пусть и фрагментарной, независимой дипломатии. Такой независимой в этой области позиции добилась Франция. Такую самостоятельную дипломатию пыталась выработать Румыния – не взирая на Москву, заигрывая с далеким Пекином, но все же независимо от полярной расстановки сил, от двух блоков. Думается, что и польская внешняя политика внесла в попытку расширить поле пробуждающейся независимости свою лепту, каковой можно считать хотя бы план Рапацкого. Однако, отметим, это общество было элементом, дестабилизирующим систему и политику национальных государств, для которых приоритет системного раздела был самоочевидным. Именно общественность, как национальная, так и международная, оказалась силой, способной подорвать фундамент тоталитарной системы и существующий миропорядок. Збигнев Бжезиньски пытался посмотреть на политическую обстановку после 1989 года как на игру в шахматы. Сравнение соотношения сил с игрой в шахматы прочно, как известно, вошло в историю европейской политической мысли. В XIII веке доминиканец Яков сказывал, что для того, чтобы понять людей и государства, нужно понять игру в шахматы. Она многое проясняет. При помощи порядка на шахматной доске Бжезиньски пытается определить ход политики в целом и роль отдельных государств как ее участников. В этой связи он сделал одно интересное замечание: ни Ришелье, ни В. Т. Вильсон не разрешают включить Германию в европейские связи и установить модель отношений с Россией, а ведь это и есть самая насущная для Европы задача.

Первый генеральный секретарь НАТО сказал некогда, что НАТО существует для того, чтобы Германия находилась внизу, Соединенные Штаты в центре, а Россия снаружи. Сказанное полушутя между тем очень метко характеризует определенный способ политического мышления. Оно по сей день не потеряло актуальности, по крайней мере в том смысле, что мы по-прежнему (как и ранее) задаемся вопросом:

- каково место Германии в Европе,
- каково место Европы в мире,
- каково место России по отношению к Европе,
- каково место России по отношению к миру.

Здесь же можно спросить, каким образом Европа должна вписаться в мировой порядок в качестве его глобального партнера, но также как впишутся в него отдельные национальные государства. На этой последней проблеме я хотел бы задержаться подольше, рассмотреть несколько вопросов и взвесить несколько дилемм.

Польша ищет «вход» в структуры Запада, но существует ли Запад на самом деле? В глобальном мире, в таком, каким он представляется нам к исходу XX века, Запад – это некая конструкция, ассоциирующаяся главным образом с достижениями и ценностями цивилизованного мира и в настоящий момент никак не соединяемая ни с вопросом войны и мира, ни с вопросом внесистемных обусловленностей внешней политики. Хантингтон, пытаясь определить опасности, которые появляются на горизонте международной политики, говорил о столкновении и конфликте между цивилизациями. Он понимал цивилизацию согласно Тойнби, т. е. как совокупность, сосредоточенную вокруг определенного вероисповедания, религии и Церкви. Сегодняшний опыт несколько не подтвердил тезис Хантингтона. Факт, что в косовской интервенции, независимо от политических различий, принимали участие представители разных конфессий – католики, православные и мусульмане, наглядно показывает, что перед лицом важнейших заданий, которые приходится решать на уровне международной политики, цивилизационный разрыв не имеет основополагающего значения.

Европейский Союз и оказался для Польши такой задачей, которая позволяет понимать польские национальные интересы в глобальных категориях, позволяет одновременно надеяться на то, что польский голос в глобальных дебатах не будет не услышанным. И здесь может появиться сомнение, не потеряют ли национальные государства в этом глобальном мире свою национальную самобытность, в мире, в котором в несколько минут переводятся с одного его конца на другой миллиарды долларов в качестве трансфертных капиталов, в мире, в котором объединяются государства, люди, фирмы, отделенные друг от друга огромными пространствами. Можно ли в такой ситуации говорить о национальном измерении мировой политики?

Я отношу себя к тем, кто убежден, что вопросы безопасности являются элементом международной политики безопасности, внешняя же политика государства составляет элемент его национальной самоидентификации. В сегодняшнем мире она является одним из важнейших инструментов, каким располагает народ и национальное государство в процессе включения в самые разные структуры международного сотрудничества. Иными словами, если мы вступаем в НАТО и Европейский Союз, так это потому, что именно в этих структурах находим безопасность и новые возможности. Если мы понимаем внешнюю политику как элемент национального государства, так это также потому, что Европа всегда создавалась на фундаменте разнородности, и такой она представляется в настоящий момент.

Международная политика – это слагаемое национального интереса. В контексте упомянутого ранее выбора между идеализмом и реализмом, к идеализму я бы отнес, в качестве основной цели внешней политики независимой Польши, служение фундаментальным ценностям. Я думаю здесь о правах человека, о принципах демократии как непреходящих ценностях, но также о европейской традиции как наследии, понимаемом как «настоящее прошлого» и «настоящее будущего».

Реализм я бы ограничил очень простым ориентиром: не дать свести себя к периферийной роли. Польше в ее долгой истории не раз приходилось сталкиваться с опасностью играть периферийную роль, быть инструментом соотношения сил в мире. Модель польской, проявляющейся во многих текстах, философии понимания необходимости Европейского Союза связана с сильным отождествлением Польши с европейской идеей, с веймарской ориентацией великих партнеров (Франции и Германии), но также с открытостью к другим европейским странам, и особенно к Великобритании, с которой сотрудничество на уровне внешней политики оставляет желать лучшего, тем более что польско-британские связи имеют большую историческую традицию.

Европейский Союз – это не Европа. Польша, как страна открытая к Востоку и к своим соседям, должна быть также в тех структурах, в которых ее голос, напоминающий о том, что Европа не кончается на нашей восточной границе, должен быть хорошо слышен. Наша восточная граница – не рубеж Европы. Для нас одинаково важны открытость к нашим восточным соседям и акцентирование их роли в Европе и для Европы.

Недавно я познакомился со статистическими сводками за 1989-1999 годы о развитии демократии, об идее и практике

демократии на посткоммунистическом пространстве. До чего поучительным показалось мне сопоставление всех тех стран, у которых был разный опыт прошлого, вытекающий иногда из качественных различий их внутреннего устройства! С одной стороны, различия – между Болгарией и Польшей, Украиной и Польшей, и в то же время с другой – поиски общего пути. Первые три года относительно Польши – с 1989 по 1991 – фиксировались в этой статистике как годы частичной демократии. Польша принадлежала к тем странам бывшего социалистического лагеря, которые быстрее других получили высокую оценку вполне демократической страны. Меня несколько удивило, что 1989 - 1999 годы определяются внешними наблюдателями как период частичной демократии во внешней политике, в сущности же они подтвердили демократические принципы в этой области. Переломным годом для польской внешней политики был, как известно, 1989 год. Как эта политика тогда была определена, так и могла продолжаться в последующие годы. По моему убеждению, это существенная констатация, которой я хотел бы завершить картину системного окружения, в котором формулируется внешняя политика. Именно внешняя политика стала, наперекор реальности – даже во время присутствия в стране чужих войск, первым полем, на котором Польша была независимой, свободной и демократической.

* Замечанные опечатки исправлены